

Сергей Борисович Слободин¹
sslobodin@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНКИ БУРХАЛА И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МЕЗОЛИТА КОЛЫМЫ И СЕВЕРА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Статья посвящена истории изучения мезолитических древностей бассейна р. Колымы и Севера Дальнего Востока России. Ю.А. Мочанов считал, что в раннем голоцене там существовала сумнагинская культура, открытая им в Якутии. Н.Н. Диков выделил на Верхней Колыме сибердиковскую и малтанскую культуры, а на Чукотке — путуракскую, которые, по его мнению, противостояли распространению сумнагинской культуры на Колыму и по Северу Дальнего Востока. На протяжении более полувека, с начала 1970-х гг., это «противостояние» оставалось неразрешимым. Исследования 1980-х гг. привели к открытию в раннем голоцене этого региона ещё одной культурной традиции — уолбинской с черешковыми пластинчатыми наконечниками. Повторное изучение стоянки Малтан показало её позднеголоценовый возраст. Открытие в 2017 г. на Верхней Колыме стоянки Бурхала возрастом 9300 ¹⁴С-л. (10510 кал. л.н.) фиксирует распространение там сумнагинской культуры. Намеченные контуры развития культур в раннем голоцене бассейна Колымы послужат ориентиром как в работе по выявлению стоянок, так и для дальнейшего углубления теоретических знаний о мезолите Северо-Востока России. **Ключевые слова:** Колыма, мезолит, Северо-Восток Азии, ранний голоцен, сумнагинская, уолбинская, сибердиковская культуры, призматический нуклеус, микропластинки.

Sergei B. Slobodin¹
sslobodin@mail.ru

RESEARCH OF THE BURKHALA SITE AND SOME ISSUES OF THE MESOLITHIC KOLYMA AND NORTH OF THE FAR EAST

The article is devoted to the history of the study of Mesolithic antiquities of the Kolyma River basin and the North of the Russian Far East. A.Yu. Mochanov believed that in the early Holocene there existed the Sumnagin culture, which he discovered in Yakutia. N.N. Dikov identified Siberdik and Maltan cultures in Upper Kolyma, and Puturak in Chukotka, which, in his opinion, opposed the spread of Sumnagin culture to Kolyma and the North of the Far East. For more than half a century, since the early 1970s, this “confrontation” remained insoluble. Research in the 1980s led to the discovery in the early Holocene of this region of another Uolba cultural tradition, with blade stemmed points. A re-examination of the Maltan site showed its late Holocene age. The discovery in 2017 of the Burkhalala site in Upper Kolyma with an age of 9300 ¹⁴C-years (10510 cal BP) records the spread of the Sumnagin culture there. The outlined contours of the development of cultures in the Early Holocene of the Kolyma basin will serve as a guide both in the work to identify sites and for further deepening our theoretical knowledge about the Mesolithic of North-East Russia. **Keywords:** Kolyma, Mesolithic, Northeast Asia, early Holocene, Sumnagin, Uolba and Siberdik cultures, prismatic cores, microblades, angular burins.

¹ Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н.А. Шило ДВО РАН, Магадан, Россия.

North-East Interdisciplinary Science Research Institute FEB of the RAS, Magadan, Russia.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из наиболее обсуждаемых в археологии Северо-Востока Азии (далее — СВА) наряду с проблемой заселения Америки и этнической принадлежности археологических культур является «проблема мезолита» (Мочанов 1969, 1977; Хлобыстин 1998; Диков 1979, 1993; Кирьяк 1993, 2005; Орехов 1996; Воробей 1996; Слободин 1996; Питулько 1998; Кашин 2003 и др.). Предполагаемый первоначально (Диков 1971; Мочанов 1977) довольно однотипный культурный рельеф раннего голоцена Севера Дальнего Востока, когда и происходило развитие этой культурной эпохи, в настоящее время демонстрирует широкую культурную вариабельность, включающую порядка 5—6 различных культурных техно-комплексов (Воробей 1996; Слободин, 1999, 2018; Зеленская, Слободин 2021). Происхождение этих комплексов, характер их взаимодействия, территория распространения и хронологические рамки существования до сих пор составляют актуальные вопросы археологических исследований на Севере Дальнего Востока (рис. 1).

Н.Н. Диков (1964) по принятой тогда системе классификации каменного века Сибири, где стоянки с микропластинками сартанского возраста и «верхней хронологической границей 8—7 тыс. л.н.» интерпретировались как мезолитические (Медведев 1980: 4), относил к мезолиту V—VI слои ушковских стоянок Камчатки с клиновидными нуклеусами возрастом 10360 ± 350 (МО-345) л.н. Но затем в соответствии с «европейской шкалой... рубежа между палеолитом и мезолитом» (Диков 1967: 28) определил эти и более древние слои как палеолитические. К мезолиту Н.Н. Диков (1979) отнёс раннеголоценовые стоянки с призматическими и коническими нуклеусами, характеризуя «период раннего голоцена, <как>... после-палеолитическое время, переходное от палеолита к неолиту...» (Диков 1993: 148).

С.А. Федосеева (1968) рассматривала открытые ею на Верхнем Вилюе комплексы с черешковыми наконечниками «мезолитического облика» на пластинах и клиновидными нуклеусами как самый ранний этап каменного века Якутии.

Ю.А. Мочанов же (1969) отнёс открытые им в Якутии на р. Алдан и объединённые в сумнагинскую культуру комплексы с коническими и призматическими нуклеусами, микропластинками, концевыми скребками, угловыми (боковыми) резцами на пластинках и двусторонне оббитыми овальными тёслами возрастом 10500—6200 ^{14}C л.н. к «голоценовому палеолиту», несмотря на присущие им мезолитические черты раннего голоцена СВА (История Якутии 2020).

Механически перенеся взгляды А.Н. Рогачёва (1962: 10) о преемственности сходных по своим технико-типологическим характеристикам позднеплейстоценовых и раннеголоценовых комплексов центральной России (Русской равнины) на культуры СВА, Ю.А. Мочанов не учёл принципиальную разницу технико-типологических характеристик последних (ушковской vs дюктайской и сумнагинской), которую сам же и отмечал (Мочанов 1977: 149—150).

Тем не менее идея А.Н. Рогачёва была в целом совсем не ошибочна и имеет право на существование в ситуациях, где она объективно применима. Например, на Камчатке на стоянке Ушки I известен раннеголоценовый слой V (9 тыс. С-14 л.н.) с комплексом, соответствующим по облику палеолитическому слою VI и относимый Н.Н. Диковым (1979) к палеолиту. На Чукотке типично палеолитические комплексы стоянок Тытыльваам IV (Кирьяк 2005) имеют возраст по ^{14}C менее 10 тыс. лет. Их, пользуясь «общепринятой терминологией», можно назвать стоянками «пережиточного палеолита» (Инешин, Тетенькин 2010: 211) или, по А.Н. Рогачёву, «голоценового палеолита».

МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ
БАССЕЙНА КОЛЫМЫ

Открытие в 1970 г. в устье Колымы недатированных по ^{14}C стоянок Пантелиха I—VIII со смешанным комплексом, включающим конические и призматические нуклеусы, ретушированные микропластинки, концевые скребки (рис. 1: 1; рис. 2: 17—19), позволило предположить распространение сумнагинской культуры на Колыму, Чукотку и Камчатку (Моча-

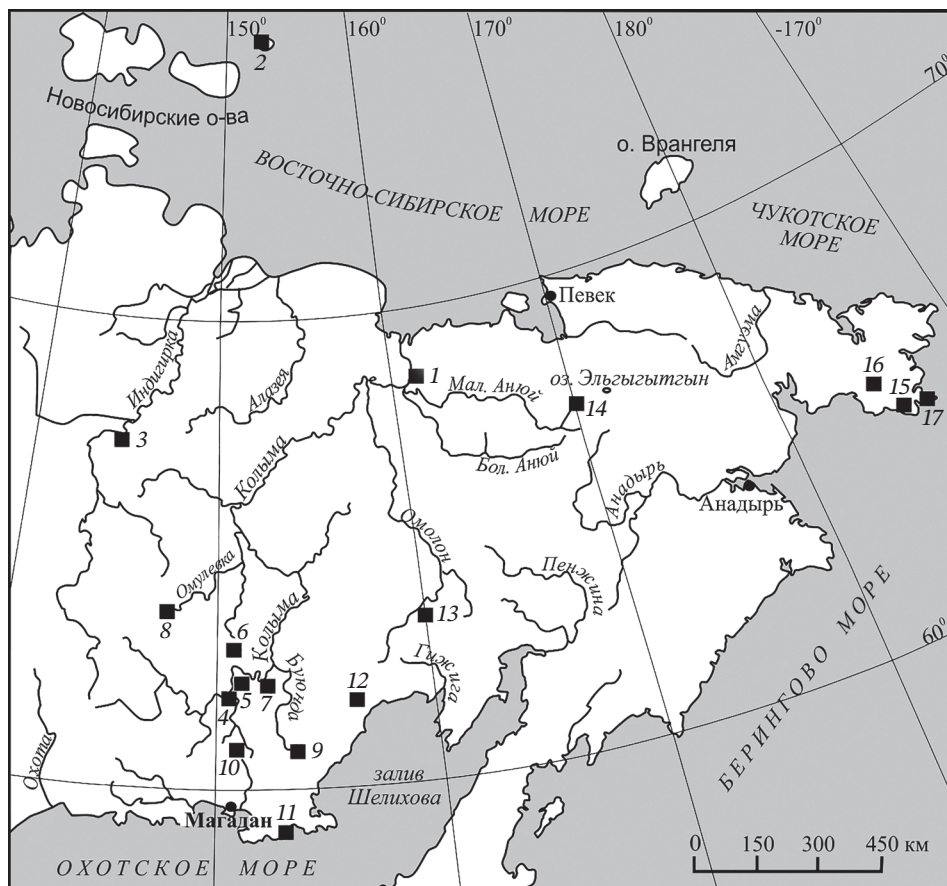

Рис. 1. Местоположение мезолитических памятников Севера Дальнего Востока: 1 — Пантелеиха I—VIII; 2 — Жохова; 3 — Юбилейный; 4 — Сибердик; 5 — Конго, Конго-78, ИНГ-78; 6 — Бурхала; 7 — Запаятая; 8 — Уи, Придорожная; 9 — Буюнда III; 10 — Уртычук IV, Азамат, Малтан; 11 — БМА-3; 12 — Омсукчан III; 13 — Бол. Эльгахчан I; 14 — Тытыль I, III, IV, IV (п. 2), Верхнетытыльская VI; 15 — Путурак; 16 — Челькун IV; 17 — Найван

нов 1977). Жоховская стоянка на Новосибирских островах показала, что ареал этой культуры достигает 76° с.ш. (Питулько 1998) (рис. 1: 2; рис. 2: 1—4).

Н.Н. Диков (1979), возражая этому заключению Ю.А. Мочанова, выделил на основе исследованных им в верховьях р. Колымы стоянок Сибердик, Конго и Малтан (рис. 1: 4, 5, 10) сибердиковскую палеолитическую раннеголоценовую культуру (периода 9470—8200 ¹⁴С л.н.) и её заключительным мезолитическим этапом считал малтанскую культуру возрастом 7490±70 (МАГ-183).

По его мнению, это позволяло «пересмотреть неправильные представления

Ю.А. Мочанова (1977) о распространении дюктайской, а затем и сумнагинской культуры до побережья Охотского моря и Берингова пролива...» (Диков 1979: 97—98, 104). Эту мысль поддержал В.А. Кашин, считавший, что «...путь <из района Енисея или Забайкалья по континентальным территориям Северо-Восточной Азии> исключался существованием на Верхней Колыме культуры Малтан, которая служила „заслоном“ на пути продвижения сумнагинской культуры к Америке» (Кашин 2003: 147).

Ю.А. Мочанов с соавторами (1980) предположили, что в составе материалов стоянок Сибердик, Конго, Малтан имеются

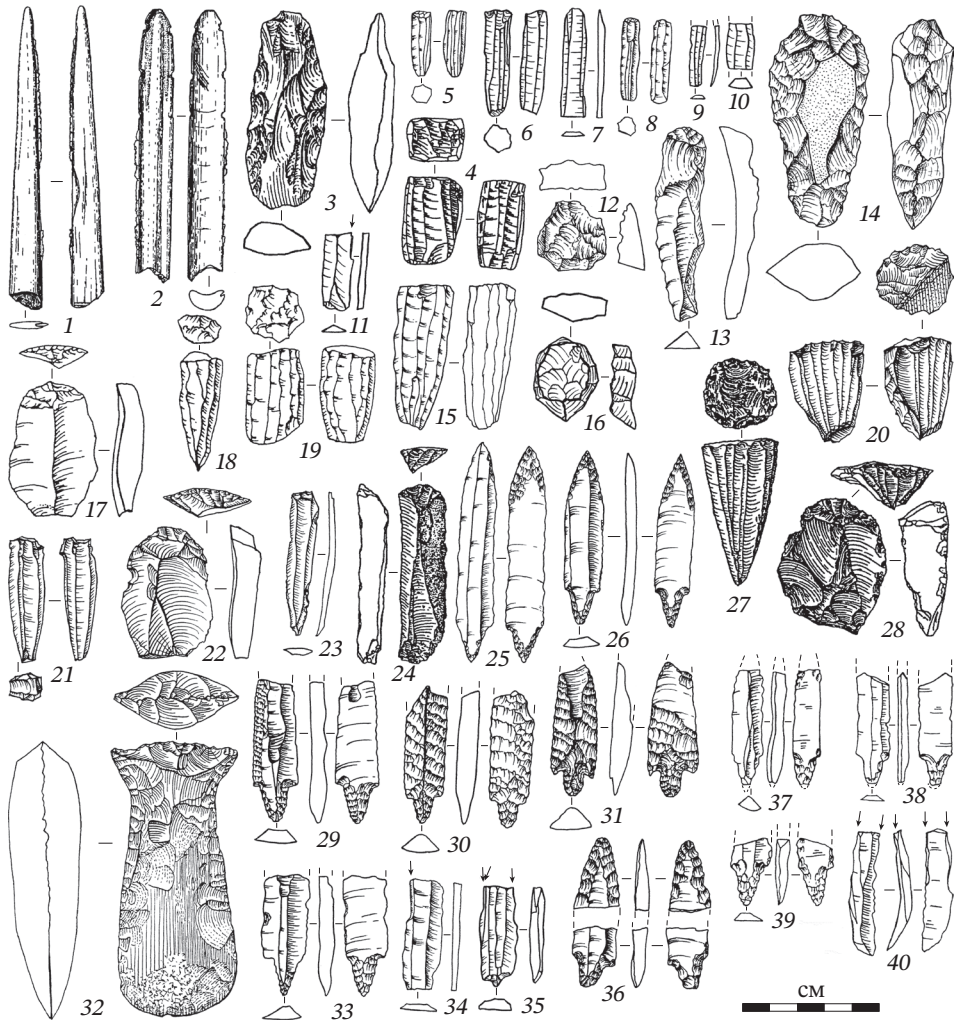

Рис. 2. Каменный инвентарь мезолитических (раннеголоценовых) стоянок Севера Дальнего Востока: 1—4 — Жохово; 5, 8, 12—13, 15 — Уртычук; 6—7, 9—11, 14, 16 — Буюнда III; 17—19 — Пантелеиха I, II; 20—23 — Омсукан III; 24, 27—28 — БМА-3; 25, 32 — Конго-78; 26, 34 — ИНГ-78; 29—30, 33, 35 — Уи; 31, 36 — Придорожная; 37—40 — Юбилейный (1—4, 17—19, 24, 27—28, 37—40 — по (Питулько 1998; Мочанов 1977; Кашин 1983))

материалы сумнагинской культуры. И действительно: по предложенным Н.Н. Диковым же технико-типологическим критериям разделения палеолитических и мезолитических культур в комплексе сибердиковской культуры отмечается определённая эклектичность. Её ранний этап (нижний культурный слой стоянки Конго) представлен коническими нуклеусами, что характерно для мезолита, а более поздний (нижний культурный слой стоянки Сибердик) — клиновид-

ным нуклеусом, указывающим на палеолит, и полиэдрическим резцом, присущим неолиту (Диков 1979, 1996). По этой причине отмечается, что сибердиковская индустрия «включает и ряд сумнагинских элементов...» (Воробей 1996), а в некоторых случаях в ней даже прослеживаются неолитические черты (Слободин 1999).

Новая дата 9700 ± 500 л.н. (МАГ-1019) из III культурного слоя стоянки Сибердик (Ложкин, Трумпле 1990), в соответствии с которой он (а не «нижний слой стоян-

ки Конго») стал «самым ранним этапом» сибердиковской культуры, не была принята во внимание Н.Н. Диковым (1996) в его дальнейших публикациях об «археологическом прошлом обитателей Северо-Востока Азии», хотя это упорядочило бы — в соответствии с его же взглядами — логику развития культуры от комплекса с клиновидными нуклеусами к комплексу с коническими.

В последующие годы, несмотря на продолжающиеся поиски, памятники сумнагинской культуры в долине Колымы найдены не были, и вопрос о распространении там сумнагинской культуры обсуждался на протяжении нескольких десятилетий только в теоретической плоскости (Мочанов, Федосеева 2013; Диков 1979, 1993, 1996; Кирьяк 1993, 2005; Слободин 1999; Кашин 2003; Воробей 1996).

Проблему распространения сумнагинской культуры на Колыме не могли решить и данные со стоянок сумнагинской культуры Буюнда III, Уртычук IV, Хуренджа (Азамат), Омсукчан III (рис. 1: 9, 10, 12; рис. 2: 5—16, 20—23), открытых на Охотско-Колымском нагорье (Слободин 1999), поскольку она могла попасть туда через континентальное Приохотьё (по побережью Охотского моря). Н.Н. Диков (1979: 13, 15; рис. 9, 25) активно выступал за этот путь распространения культур с Дальнего Востока на Север (Чукотку), начиная с палеолита и в мезолите. Подтверждением возможности этого пути являются найденные в Приохотьё стоянки БМА-3 (рис. 1: 11; рис. 2: 24, 27, 28), Дручак-В, Уптар (Воробей 2007, 1996; Слободин 1999), Амка, Кухтуй (Мочанов 1977).

Наиболее выразительный комплекс сумнагинской культуры исследован на стоянке Буюнда III. Здесь на глубине до 0,7 м раскопана жилая площадка с очагом, вокруг которого было выявлено более 3 тыс. артефактов, включая отщепы, призматические нуклеусы, ребристые сколы, микропластинки, в том числе ретушированные (вкладыши), сколы подправки отжимных площадок (core tablet), резцы и концевые скребки на (микро-) пластинах, бифасиально оббитое тесло овальной формы (рис. 2: 6, 7, 9—11, 14, 16). По древесному углю из оча-

га получены даты 7510—8135 ¹⁴С л.н. и дата AMS — 7620±75 (ETX-17065).

Однако в долине Колымы, тем более в её верховьях, «чистые» датированные памятники сумнагинской культуры до последнего времени были неизвестны, и сказать что-то о времени её там появления было невозможно. Вопрос о распространении данной культуры на Колыме оставался по большей мере в теоретической плоскости.

За это время в ходе дополнительных исследований определилась ситуация с «мезолитом» на стоянке Малтан, в комплексе которой при повторном изучении были найдены пришлифованные наконечники, характерные для финала неолита, а также была получена уточнённая дата для нижнего слоя 4012±102 (DRI-3286). Это исключало эту стоянку из числа раннеголоценовых памятников (Воробей 1996; Слободин 1996, 1999; Питулько 2004).

В то же время планомерное исследование стоянок СВА с пластинчатыми черешковыми наконечниками (рис. 1: 5, 8, 3, 14) позволило объединить их в раннеголоценовую уолбинскую культуру (Слободин 1999, 2018), названную по одноимённому памятнику на р. Лене (Окладников 1955). Пластинчатые типы наконечников всегда рассматривались как наиболее ранние, мезолитические, наконечники среди голоценовых материалов СВА (Окладников 1955; Федосеева 1968; Мочанов 1977; Кашин 1983; Хлобыстин 1998). Помимо черешковых пластинчатых наконечников, её характеризуют призматические и конические нуклеусы, концевые скребки и угловые резцы на пластинах, ретушированные вкладыши, бифасиальные наконечники треугольной формы, ножи на пластинах, оббитые тёсла с шейкой-перехватом и пришлифованным лезвием (рис. 2: 25, 26, 29—40). Стоянки этой культуры выявлены на р. Индигирке (Юбилейный) (Кашин 1983), Колыме (Уи, Конго-78, ИНГ-78, Агробаза II) (Слободин 1999), на Чукотке (Тытыль IV (п. 2), Верхнетытыльская VI) (Кирьяк 2005) и, возможно, в северном Приохотьё (Амка) (Мочанов 1977; Кашин 2003). Время её существования по серии ¹⁴С датировок 8,8—6 тыс. л.н.

ИССЛЕДОВАНИЕ СТОЯНКИ БУРХАЛА

Открытие стоянки Бурхала в верховьях р. Колымы (Зеленская, Слободин 2021) позволило получить надёжные опорные точки по ряду спорных вопросов в проблеме «мезолита СВА», обсуждаемых с начала 1970-х гг., и определиться в дискуссии о присутствии сумнагинской культуры в долине р. Колымы.

Стоянка Бурхала (рис. 1: 6) была открыта на перевале р. Сусуман и Лев. Бурхалы — левых притоков р. Колымы (N 62°41'46", E 148°49'30"). Высота перевала — 1030 м над уровнем моря.

В раскопе (5,5 кв. м) определена стратиграфия (мощность): 1 — почвенно-растительный слой (1—2 см); 2 — супесь серая (местами смешана с гумусированной супесью) (5—6,5 см); 3 — линзы углистости в эпигенетических морозобойных трещинах (0—21,5 см); 4 — супесь светло-рыжая с щебёнкой (4—6 см); 5 — суглинок тёмно-рыжий с щебёнкой (условный материк) (более 11 см).

В рыхлых отложениях стоянки отмечается наличие криогенных процессов, проявившихся в формировании нарушивших культурный слой морозобойных трещин, в которых аккумуляровались углистость и каменные изделия (отщепы, микропластинки, орудия) (Зеленская 2019).

Каменный инвентарь стоянки (рис. 3) включает отщепы, пластинки (156 экз.), уплощённо-конические нуклеусы (3 экз.) (рис. 3: 1), сколы подправки отжимных площадок нуклеусов (2 экз.) (рис. 3: 14), ребристые сколы (2 экз.) (рис. 3: 17), пластины (2 экз.) (рис. 3: 9) и орудия. Первичные отщепы единичны, преобладают мелкие и чешуйки. К орудиям отнесены ретушированные ножевидные пластинки (вкладыши) (13 экз.), концевой скребок на крупной пластине (рис. 3: 21), тесловидное орудие, резцы на пластинках (3 экз.), резцовый скол, «долотовидное» орудие. Микропластинки с нуклеуса снимались с его выпуклого фронта, оставляя необработанным плоский контрфронт.

Вкладыши ретушированы по одному (5 экз.) и по обоим краям (8 экз.) с дор-

сальной и вентральной сторон. Их ширина 3—5 мм, длина до 21 мм (с ремонтом — 31 мм), толщина — 1 мм (рис. 3: 3—7, 10—13, 15—16, 18—20, 23—26). Различается приостряющая и притупляющая, как правило, унифасиальная ретушь. Последняя — крутая, практически вертикальная, удаляющая утончающуюся кромку продольного края микропластинки, наносилась под углом, близким к 90°, делая её более узкой, соответствующей глубине паза костяной обоймы. В одном случае ретушированный край микропластинки (крайней в обойме) скошен на торец для плавного перехода от костяной обоймы орудия к лезвию.

Резцы — угловые на ножевидных пластинках, имеющие очень специфическую подтёску центрального ребра пластинки с её торца для утончения пластинки до 1 мм и соответствия её толщине резцовой кромки (рис. 3: 8, 22).

Тесловидное (?) орудие сделано на небольшом плоском сколе кремневого туфа. Имеет подовальную (грушевидную) форму в плане и уплощённо-линзовидное продольное и поперечное сечение (рис. 3: 2). Обработано бифасиально по краям и полностью по одной плоской поверхности, частично по другой.

Долотовидное орудие представлено небольшим переоформленным сколом подправки отжимной площадки нуклеуса (рис. 3: 14). На его дистальном конце, с дорсальной стороны, мелкой стелющейся ретушью оформлено прямое лезвие шириной 8,3 мм, имеющее следы сильной залощённости. Подпрямоугольная форма орудия и прямое лезвие указывают, что оно было предназначено для работы в качестве либо вкладышевого долота, либо стамески для оформления небольшого размера пазов.

По образцам древесного угля из углистых линз в ассоциации с каменными орудиями получена ¹⁴C дата 9300±180 (МАГ-2262). Она уточняет ранее предполагаемый возраст комплекса, определявшийся в пределах «более 7 тыс. л.» (Зеленская, Слободин 2021). Положение стоянки на перевале и характер находок указывают, что это был охотничий наблюдательный пункт.

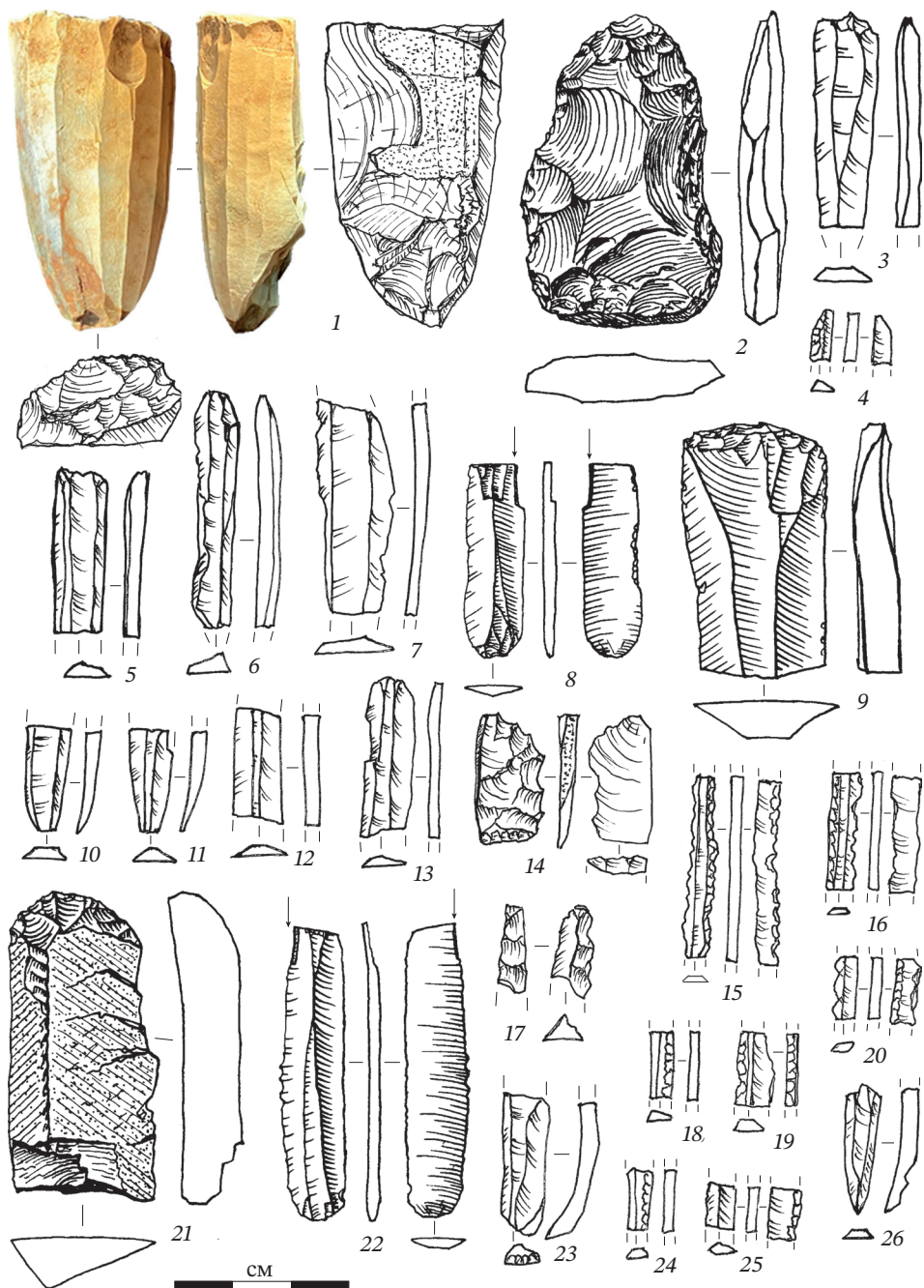

Рис. 3. Каменные орудия стоянки Бурхала: 1 — нуклеус; 2 — тесловидное орудие; 3—7, 10—13, 15—16, 18—20, 23—26 — микропластинки; 8, 22 — резцы; 9 — пластина; 14 — долотовидное орудие (стамеска); 17 — ребристый скол; 21 — концевой скребок

Технико-типологический анализ находок стоянки показал её принадлежность к сумнагинской культуре, выделенной в 1960-е гг. Ю.А. Мочановым (1969; 1977) в долине р. Алдан на стоянках Сумнагин, Белькачи I и др. в Якутии. Орудийный набор этой культуры, как и стоянки Бурхала, включает конические и призматические нуклеусы, ретушированные микропластинки, концевые скребки на пластинах и отщепях, резцы угловые (боковые) на пластинках и двусторонне оббитые овальные тѣсла. Возраст культуры по серии ^{14}C датировок был определён в пределах 10500—6200 л.н. (Мочанов 1977; История Якутии 2020), хотя её нижняя граница более надёжно фиксируется датами 8900—9450 л.н. со стоянок Усть-Тимптон и Белькачи I (Мочанов 1977; Мочанов, Федосеева 2013, т. II: 131).

Как обитатели стоянок Буонда III, Уртычук, Хуренджа (Азамат) на Охотско-Колымском нагорье, так и жители стоянки Бурхала занимались охотой на оленей, проходящих через горные перевалы и пасшихся на склонах сопок. Здесь же находились и источники каменного сырья, используемого для изготовления орудий.

Ещё одна стоянка сумнагинской культуры в долине Колымы найдена в устье её правого притока — р. Запятой (рис. 1: 7). Культурный слой с находками сумнагинской традиции зафиксирован на глубине до 30—50 см в переслаивающихся отложениях рыжего суглинка под слоем с неолитическими артефактами. Он включает микропластинки, уплощённые конические нуклеусы, концевые скребки на пластинчатых сколах. По углю из слоя получена ^{14}C -дата 6795 ± 110 л.н. (МАГ-2264). Кроме охоты на Колыме, вероятно, велась и в настоящее время практикуемая ловля рыбы с помощью ловушек («морд»), сплетённых из тальника.

Орудийный набор колымских стоянок, достоверно датированных периодом 9500—6800 л.н. (10 510—7635 кал. л.н.), содержит все основные присущие сумнагинской традиции элементы, дополненные рядом технологических инноваций, отражающих определённую эволюцию комплекса каменных орудий этой традиции.

О дальнейшем распространении сумнагинской культуры на Западную Чукотку по бассейну р. Колымы свидетельствовало открытие в 1970—1980-х гг. стоянок в верховьях её правых притоков — р. Мал. Анюй на оз. Тытыль (Тытыль I—IV) (Мочанов и др. 1978), и р. Омолон (Бол. Эльгахчан I и др.), где среди подъёмных, недатированных по ^{14}C материалов отмечены «остатки сумнагинской палеолитической культуры» (Кистенев 1980, 1990) (рис. 1: 13, 14).

Исследованиями М.А. Кирьяк (1979) подтверждено наличие на стоянках Тытыль I, III, IV материалов сумнагинской мезолитической культуры (Диков 1979: 132). Там были найдены конические и призматические нуклеусы, микропластинки, резцы на пластинках и концевые скребки на пластинах (Кирьяк 1993, 2005) (рис. 4: 1—3). Отмечается, что материалы «...со стоянки Тытыль I по технике изготовления имеют аналогии в раннеголоценовой культуре Якутии... а концевой скребок аналогичен изделию из IX культурного слоя стоянки Белькачи I... относящемуся к сумнагинской мезолитической культуре» (Кирьяк 1979: 43), хотя выделяются более крупными размерами скребков и отсутствием бифасиально обработанных топоров.

Однако позже, с открытием Н.Н. Диковым (1993) на Чукотке стоянки Путурак (рис. 1: 15), концепция отнесения к сумнагинской культуре стоянки Тытыль I кардинально поменялась, и все параллели последней без развернутой аргументации были полностью переориентированы на Путурак (Кирьяк 1993; Диков 1993). Но затем вновь была признана связь тытыльского комплекса с сумнагинской культурой (Кирьяк 2005). Смена парадигмы, основанная на уточнении стратиграфии комплексов, их новых ^{14}C датировках, анализе дополнительно полученных материалов вполне допустима для такого рода исследований. Но в данном случае никаких новых данных для стоянки Тытыль I получено не было. И в этой ситуации было бы логичнее определять культурную принадлежность стоянки Путурак исходя из прослеженных аналогий с комплексом стоянок Тытыль I, для которого это уже было обозначено.

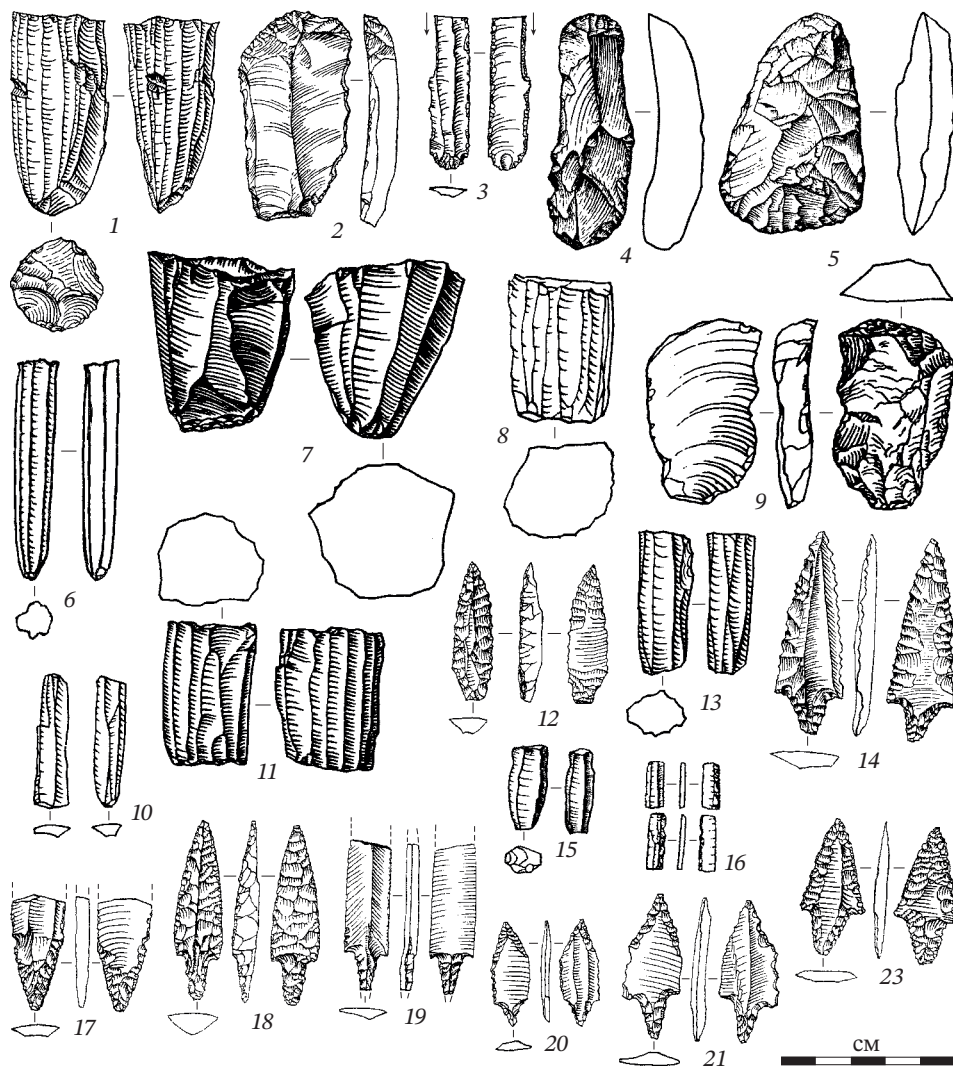

Рис. 4. Каменный инвентарь мезолитических (раннеголоценовых) стоянок Чукотки: 1—3 — Тыгыль I; 4—5, 15—16 — Найван; 6—7, 9, 11 — Путурак; 8, 10, 13 — Челкун IV; 12, 14, 17—22 — Верхнетыгыльская VI (по (Жирьяк 2005; Гусев 2002; Диков 1993))

МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ СЕВЕРА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (ВОСТОЧНАЯ ЧУКОТКА)

На Чукотском полуострове ранний голоцен представлен стоянками Челкун IV, Найван и Путурак (рис. 1: 15—17). Стоянка Челкун IV характеризуется как «ранне-мезолитическая», «мезолитическая», «после-путуракская» и «мезолитическая технология сумнагинского типа» (Диков 1993, 1993а: 52). Она расположена на террасе

в долине р. Ионивеем. Раскопки (31 кв. м) выявили в серой супеси на глубине 0,4 м культурный слой с углистой прослойкой округлой формы около 2 м в диаметре и находками (Диков 1993). По углю получена дата 8150 ± 450 (МАГ-719). Н.Н. Диков (1993) охарактеризовал эту конструкцию как наземное жилище, а стоянку в целом — как мастерскую. Среди находок 2 призматических нуклеуса, 2 резца на микропластинках, 185 микропластинок, отщепы; все выполнены из кремня.

Подъёмные находки включали призматические двухплощадочные нуклеусы, микропластинки, краевые сколы (рис. 4: 8, 10, 13). Учитывая малое количество преформ нуклеусов и отходов их обработки, комплекс, на наш взгляд, можно рассматривать как хозяйственный, где люди жили в течение непродолжительного времени, занимаясь ремонтом и изготовлением орудий (вкладышевых костяных наконечников) и другими хозяйственными работами. Охотиться они могли только на северного оленя. Техничко-типологические характеристики орудийного комплекса и датировка позволяют отнести стоянку к сумнагинской традиции ранне-голоцена.

Стоянка Найван расположена на берегу Берингова пролива, на плоской вершине скального останца высотой около 16 м (абс. отм. 25 м), у озера лагунного типа Найван (Гусев 2006).

Раскопками на глубине 37—60 см выявлен культурный слой, содержащий комплекс с очагами и каменными орудиями. Жилища округлой формы диаметром около 3—4 м, с несколькими очагами посередине. Очаги, возможно использовавшиеся по отдельности в разные эпизоды посещений, состояли из слоя мелкой речной гальки и нескольких крупных неокатанных камней со следами термического воздействия. Стоянка сезонная, посещалась в период лето—осень в течение ряда сезонов.

Анализ углей из очагов дал ^{14}C даты от 7600 ± 300 (Ле-6235) до 9000 ± 500 (Ле-5509). Разброс датировок и их большая статистическая погрешность связана, вероятно, с использованием плавника, что с учётом резервуарного эффекта «омолаживает» их по меньшей мере на 200—400 л. (Khassanov, Savinetsky 2006).

На стоянке найдено около 3 тыс. артефактов, среди которых призматические микронуклеусы, большое количество микропластинок (в том числе ретушированных по краю), двусторонне обработанное рубящее орудие овальной формы с линзовидным поперечным сечением, концевой скребок на пластине, отщепы (рис. 4: 4—5, 15—16). Органических находок нет (Гусев 2002).

Инвентарь стоянки представляет хозяйство континентальных охотников на оленей, которые уходили от гнуса летом в прибрежные тундры. Данных об использовании обитателями стоянки морских ресурсов нет. Но на берегу моря они могли добывать морских животных, заниматься рыболовством, собирательством (ракушек, яиц птиц) и охотой на перелётных птиц. Техничко-типологические характеристики комплекса стоянки и её возраст (9—7 тыс. л.н.) соответствуют сумнагинской традиции СВА.

Стоянка Путурак находится на п-ове Чуколка, на перевале Путурак, в 15 км от побережья Берингова моря (Диков 1993). С поверхности перевала и из раскопа было получено более 10 тыс. артефактов, составляющих единый культурный комплекс. В раскопе материалы залежали в мелкощебёночном слое с супесью и углистыми пятнами на глубине до 40—60 см. Большая мощность отложений, нехарактерная для Чуколки, объясняется, видимо, присклоновым положением стоянки, вследствие чего часть материала была погребена склоновыми отложениями, а часть вынесена на поверхность процессами криотурбации. ^{14}C датировки для стоянки нет.

Находки представлены отщепами, крупными пластинчатыми отщепами, пластинами, микропластинками, призматическими и коническими (карандашевидными) нуклеусами на разных стадиях обработки — от заготовок до почти сработанных; все они из кремня и сланца (рис. 4: 6—7, 9, 11).

На основе этих материалов Н.Н. Диков (1993) выделил путуракскую культуру. Вероятнее всего, своеобразие путуракского комплекса, проявляющееся в «грубости выделки» и отсутствии резцов и скребков (Диков 1993), обусловлено плохим качеством сырья, а также характером стоянки, которая служила мастерской и где на ранних стадиях подготовки нуклеусов в отход уходило большое количество грубых сколов и пластин. Техничко-типологические характеристики материалов позволяют отнести их к сумнагинской традиции раннеголоценового времени.

ДИСКУССИЯ

В ходе проведённых работ на Колыме проблема мезолита обрела некоторую определённую, а гипотеза распространения там сумнагинской культуры с открытием стоянки Бурхала (Зеленская 2019) стала уже доказанным фактом. Сибердиковская культура остается верхнеколымским эндемиком. Материалы уолбинской культуры сейчас известны не только на Колыме (Слободин 2018), но и на Чукотке (Кирияк 2005) и Камчатке (Пономаренко 2000).

По вопросу распространения сумнагинской культуры на Севере Дальнего Востока (по Чукотке) в целом также имеется консенсус (Воробей 1996; Slobodin et al. 2017; Гусев 2002; Питулько 2022; Кирияк 2005; Диков 1993), однако стоянка Путурак и выделяемая путуракская культура рассматриваются исследователями по-разному. Некоторые относят стоянку Путурак к сумнагинской культуре (Слободин и др. 2014; Гусев 2002; Питулько 2022; Кирияк 1979), другие — к выделенной Н.Н. Диковым путуракской культуре (в разных спецификациях) (Воробей 1996; Кирияк 1993, 2005; Орехов 2014).

Н.Н. Диков на основе материалов стоянки Путурак и ряда других стоянок, выявленных им вблизи Путуракского перевала и в целом на Чукотском полуострове, предложил довольно сложную конструкцию путуракской культуры-традиции (Диков 1993: 148—149; 1993а: 46—52). Следует учитывать, что многие стоянки, включённые им в эту схему, представлены подъёмными материалами, не имеют устойчивой типологии выявленных на них орудий, а ¹⁴С датировка имеется только для стоянки Челкун IV, отнесённой автором к сумнагинской культуре.

Он выделял несколько этапов развития этого культурного формирования: первый, «предпутуракский» этап (стоянки Ткачен, Итхат I A (B)², Ульхум), второй —

² В публикациях Н.Н. Дикова имеются разночтения в названии стоянок Итхат I A и I B и отнесении этих стоянок к разным этапам путуракской культуры. В одном случае (Диков 1993: 149) с ней связана стоянка Итхат I B; в других случаях (Диков 1993: 160, 1993а: 48) — стоянка Итхат I A, но везде даны ссылки на иллюстрации с одними и теми же орудиями.

собственно «путуракская археологическая культура или традиция» (стоянки Путурак и Итхат I A (B)); третий, «послепутуракский» этап (стоянки Челкун IV и Аччен).

Первый, «предпутуракский» этап, представлен ульхумским комплексом орудий (с клиновидными, призматическими нуклеусами, бифасами), сопоставляемым Н.Н. Диковым (1993: 145—149) с поздней ушковской палеолитической, дюктайской и устиновской культурами. По мнению Ю.А. Мочанова (1977), никакой преемственности между дюктайской и сумнагинской культурами нет. Н.Н. Диков (1979: 89) предлагал выделить между ними переходную усть-тимптонскую культуру, но это не нашло подтверждения.

Второй этап — собственно «путуракская культура» — представлен комплексом орудий стоянок Путурак и Итхат I A (?), B (?), включающим призматические и конические нуклеусы, резчики из приострённых пластин, пластинчатые остроконечники, концевые скребки на пластинах, ретушированные по краям унифасиальные метательные наконечники из пластин, утюжковые орудия (Диков 1993: 148—149)³. Н.Н. Диков, характеризуя комплекс путуракской культуры, делает акцент на наличии «унифасиальной грубопластинчатой технологии», представленной большим количеством пластинчатых отщепов и орудий на них. Но в описании, иллюстрациях и коллекции имеются множественные выразительные примеры и микропластинчатой индустрии с микропризматическими, коническими и даже карандашевидными нуклеусами на разных стадиях сработанности, включая полностью сработанные (Диков 1993: табл. 33, 36, 42—43, 46) (рис. 4: 6, 11). Сообщает Н.Н. Диков и о «небольшом количестве тонких геометрически правильных ножевидных пластинок... как без обработки, так и с ретушью по краям» (Диков 1993: 46). Именно они и являлись конечной целью всего производственного цикла каменной индустрии стоянки Путурак. В дальнейшем их использовали

³ Автор занимался камеральной обработкой и шифровкой предметов из коллекций стоянки Путурак, что позволило детально ознакомиться с характером материала.

в качестве лезвий для костяных/роговых вкладышевых орудий. Малое количество микропластинок объясняется их активным использованием и условиями нахождения на стоянке. На основе личного опыта отмечу, что они легко теряются в щебёнке. Просеивание или промывка грунта со стоянки не производились. Раскопки в плохих погодных условиях — сильный дождь и ветер, о которых пишет автор (Диков 1993: 47), — не способствовали выявлению мелких ножевидных пластинок.

В комплексе орудий обращает на себя внимание «почти полное отсутствие резцов» (Диков 1993а: 48), малочисленность морфологически слабо оформленных невыразительных концевых скребков и резчиков, преобладание в описании «заготовок» орудий, изделий с «псевдорезцовыми сколами» (Диков 1993: 46).

Большое внимание уделяется пластинкам-«остроконечникам», однако делается очень осторожное предположение, что «часть пластин может рассматриваться в качестве метательных наконечников» (Диков 1993: 46), но это точно не установлено. По крайней мере, среди трасологических определений для находок стоянки Путурак, выполненных Н.А. Кононенко (Диков 1993: 42, 46; рис. 22), наконечники не определены. Всё это указывает на то, что стоянка Путурак является мастерской, и большое количество крупных отщепов хорошо согласуется с этим функциональным определением. Преобладание пластинчатых отщепов, ребристых сколов в виде остроконечников соответствует характеру производимых на ней изделий — призматических и конических нуклеусов. Заготовки для них, крупные нуклеусы на начальной стадии использования, в большом количестве представлены на стоянке. И загадочные «утожковые» изделия (Диков 1993: 44), исходя из аналогий на Колыме (Слободин 1999), являются типичными заготовками (преформами на самой ранней стадии их изготовления) для призматических нуклеусов.

Характерной чертой Путурака, что отмечает Н.Н. Диков (1993), является «грубость выделки». При этом он указывает, что Путурак являлся мастерской и в работу «шёл плохого качества, сравнитель-

но мягкий... кремнистый сланец» (Диков 1993а: 46). На наш взгляд, именно этим и объясняется своеобразие Путурака. Заготовки и крупные, на начальной стадии эксплуатации, призматические нуклеусы, а также скальваемые с них при подготовке плоскости расщепления крупные пластины являлись отходами производства или заготовками, доработка которых (пригодных для дальнейшего использования образцов) производилась вне мастерской. Тем не менее наличие крупных пластин, в том числе острых форм, на стоянке Путурак и на ряде других в Северном Приохотье (Усть-Орочи 2, Излучина Дручака 5), послужило основанием выделения «северо-восточной мезопластинчатой индустрии» (Воробей 1996: 2015).

Выделение культуры на материалах мастерской (Диков 1993), на наш взгляд, требует большей аргументации, нежели была представлена. Отмечается, что выводы о культурной принадлежности мастерских из-за их «неполноты» и «ограниченности» могут быть «неполными или не совсем корректными» (Орехов 2014: 87).

В заключение описания стоянки Н.Н. Диков оговаривает, что «на Путураке, возможно, удастся выделить более поздний комплекс... усматриваемый в отдельных, как бы примешанных к преобладающему грубопластинчатому материалу более правильных тонких ножевидных пластинок и в соответствующих им некоторых образцах призматических нуклеусов <...> свидетельствующих... о становлении уже в недрах путуракской культуры более тонкой мезолитической технологии» (Диков 1993: 47).

Сходные комплексы меньшего масштаба, отнесённые к сумнагинской культуре, были исследованы нами на стоянках Верхней Колымы, например Уртычук IV (Слободин 1999). Очевидно, что и Путуракский комплекс принадлежит сумнагинской культуре, с которой Н.Н. Диков связывает уже безо всяких оговорок «послепутуракский» этап, куда включил стоянки Челкун IV, VIII, Аччен. Они представляют собой не мастерские; количество отщепов небольшое, но типологический и морфологический облик находок идентичен: это призматические нуклеусы и их заготовки, микропластинки, ребри-

стые сколы, концевые скребки и резцы на пластинках (Диков 1993: 53—54, 149). Исключение составляет стоянка Аччен с фрагментом острия унифасиально ретушированного орудия, сделанного на ножевидной пластинке. Наиболее близкой аналогией этому изделию являются пластинчатые черешковые наконечники уолбинской культуры (Слободин: 2018), исследованной М.А. Кирьяк (2005) на стоянках оз. Тытыль (Западная Чукотка). Так что вопрос о её культурной принадлежности остается открытым.

Во всех перипетиях многоуровневой путорацкой культурной конструкции Н.Н. Дикова разобраться непросто. Сложности, возникающие при конструировании из стоянок всех трёх этапов единой, динамично развивающейся в пространстве и времени упорядоченной путорацкой культурной последовательности, нередко приводят, как это и было предсказано, к возникновению «некоторых логических химер» (Воробей 1996: 56).

Такая ситуация сложилась при попытке анализа А.А. Ореховым путорацкой культуры (2014). Автор пишет: «Комплекс стоянки-мастерской Путорац характеризуется развитой пластинчатой техникой... призматическими, коническими и пластинчатыми нуклеусами... В комплексе представлены пластины и пластинки, унифасиальные ножи, резчики, боковые резцы, остроконечники двусторонне (рис. 4: 30) и односторонне (рис. 4: 35) ретушированные треугольные наконечники стрел с прямым основанием. В комплексе представлены также двусторонне ретушированные овальные скребки (рис. 4, 25, 26) и дисковидный скребок (характерен?) (рис. 4: 34)... нож-бифас (рис. 4: 31)» (Орехов 2014: 87).

Прежде всего, следует иметь в виду, что в этот комплекс А.А. Орехов включил материалы не только «стоянки-мастерской Путорац», но и целого ряда стоянок всех этапов, представленных выше. И визуальный ряд орудий путорацкой культуры, в котором были объединены материалы всех этих стоянок (Орехов 2014: рис. 4), выглядит так же эклектично, как и приведённый выше их список. Так, например, скре-

бок на рис. 4: 25 не «двусторонне ретушированный овальный», а, по определению Н.А. Кононенко (Диков 1993, с. 46), «концевой» на пластинчатом отщепе. И скребок (?) на рис. 4: 26 так же не «двусторонне ретушированный», а на массивном отщепе с несколькими крупными сколами по дорсальной поверхности без оформленного краевой ретушью лезвия. «Двусторонне... и односторонне... ретушированные треугольные наконечники стрел с прямым основанием» и нож-бифас все не относятся к стоянке Путорац.

Такоевольное изложение фактического материала, смешение комплексов разных стоянок вводит не знакомого с исходным материалом читателя в заблуждение. Н.Н. Диков же чётко классифицировал технологическую и хронологическую позицию путорацкой культуры (его «собственно путорацкий» и «послепуторацкий» этапы) как мезолит, ранний голоцен. Последний, «послепуторацкий» этап он связал с сумнагинской культурой. Возраст комплекса был подтверждён и датами с технологически близких, расположенных там же на Чукотском полуострове стоянок Челкун IV (8150 л.н.) (Диков 1993), а позже и Найван (Гусев 2006).

Сведение материалов стоянок всех этапов в один комплекс создаёт совершенно непродуктивный культурный конгломерат, не имеющий ни практического применения, ни собственной позиции в культурно-хронологической схеме СВА. Но если их не смешивать, а рассматривать отдельно друг от друга, то складывается довольно ясная картина культурного развития этого региона на рубеже плейстоцена — голоцена.

Высказанное в контексте этого материала мнение, что «преобладающей является точка зрения Ю.А. Мочанова (1977) об отсутствии мезолита в классическом его понимании» (Орехов 2014: 92), противоречит всей сумме проведённых археологических исследований на СВА, где «мезолит» прочно вписан в местную культурно-хронологическую периодизацию (История Якутии 2020; Кирьяк 1993, 2005; Диков 1979, 1993; Питулько 2022; Slobodin

et al. 2017; Хлобыстин 1998; Мезолит СССР 1989; Археология 2006).

А.А. Орехов выстраивает весьма экзотическую для раннего голоцена СВА конструкцию, где «после переходного периода (от палеолита к неолиту), датированного около 10—8 тыс. л.н., начинается эпоха раннего неолита около 7—5 тыс. л.н. <и>... ряд памятников и комплексов хронологически и технологически относится к данной эпохе» (Орехов 2014: 92). К таким памятникам он относит стоянки Найван, на оз. Тытыль, Эльгыгытгын, Иони (не указаны № — С.С.), на о. Айон, в долине р. Амгуэмы, ранне-неолитические комплексы Западного Берингоморья, Колымы⁴.

Набор стоянок в этой цитате весьма эклектичный, отсутствует общий знаменатель. Возраст раннего неолита завышен и не подкреплён конкретными датировками. Разрыв в 1 тыс. лет между мезолитом и неолитом в предложенных им датировках никак не аргументирован. Мезолит на Колыме продолжался не «10—8 тыс. л.н.», как считает А.А. Орехов, а по меньшей мере 10—6,8 (6,2) тыс. л.н., что закреплёно датой мезолитического сумнагинского комплекса стоянки Запятая возрастом 6795±110 л.н. (МАГ-2264) и датой 6300±170 (Крил 248) для ранне-неолитического II слоя стоянки Сибердик (Диков 1979: 96). Единственная датировка для раннего неолита Чукотского полуострова, которую приводит Н.Н. Диков (1993: 121), — 5700±300 л.н. (МАГ-717) со стоянки Коолень III. Кроме того, и М.А. Кирьяк (1993: 36; 2005: 85) определяет возраст раннего неолита Западной Чукотки как IV—III тыс. до н.э. Каких-либо доказательств в подтверждение своей гипотезы о возрасте мезолита и раннего неолита на Севере Дальнего Востока А.А. Орехов не приводит.

Тем не менее он считает, что «они соответствуют типологически и технологически раннему неолиту 7—5 тыс. л.н... <и>

⁴ А.А. Орехов в статье (Орехов 2014) о Колыме даёт ссылку на статью автора (Слободин 2010), где описаны материалы средне- и позднелитических стоянок Колымы. К мезолиту и раннему неолиту они не имеют никакого отношения.

с этим хорошо согласуется возраст „мезолитической микропластинчатой“ (содержит и мезопластины) стоянки Челкун IV 8150±450 (МАГ-719)... и стоянки Найван около 8 тыс. л.н... <а также> этому соответствует общий облик выделенных Н.Н. Диковым позднелитических... мезолитических... и ранне-неолитических комплексов...» (Орехов 2014: 92). Трудно представить, что такое «общий облик» трёх совершенно различных технологически и хронологически эпох, поэтому конструирование такого поликультурного образования, на наш взгляд, является совершенно непродуктивным занятием. Исследователь стоянки Найван 1 уже отреагировал на предложенную А.А. Ореховым характеристику, резонно отметив, что «...некоторые археологи безосновательно относят её к раннему неолиту (Орехов 2022: 38)» (Гусев 2023: 27).

Детальному анализу подверглись раннеголоценовые комплексы СВА в работе И.Е. Воробья (1996). Он выделил в раннем голоцене крайнего Северо-Востока Азии 6 культурно-технологических традиций («корреляционно-морфологических» индустрий): восточночукотскую (возрастом 10,3—8,8 тыс. л.н.), североохотскую (10,3—8,8 тыс. л.н.), сибердиковскую (9,5—6,3 тыс. л.н.), сумнагинскую (9,5—7,5 тыс. л.н.), уолбинскую (8,8—8,3 тыс. л.н.) и северо-восточную мезопластинчатую (8,8—6,2 тыс. л.н.). Вместе с тем в настоящее время эта схема требует серьёзного уточнения.

Две из этих индустрий — восточночукотская и североохотская (возрастом 10,3—8,8 тыс. л.н.) — ассоциируются с палеолитическими комплексами (культурами), возникшими ещё в сартанский период (дюктайской и поздней ушковской VI слоя). Теперь же можно говорить и о западночукотской индустрии, представленной стоянками Тытыльваам IV (возрастом 9,8—8,6 тыс. ¹⁴С л.н.) (Кирьяк, 2005: 81). Они точно соответствуют термину «голоценовый палеолит» в концепции А.Н. Рогачёва (1962).

Из североохотской индустрии к настоящему времени был выведен её ключевой памятник — Дручак-В, возраст которого теперь

определяется в рамках 15—11 тыс. л.н. (Слободин 1999; Воробей 2011). Включённый туда же с некоторыми допущениями комплекс стоянки Уптар резко диссонирует с такими критериями этой индустрии, как «микроступчатое расщепление на базе клиновидных нуклеусов» (Воробей 1996). Специфичность индустрии стоянки Уптар выводит её за рамки предложенных индустрий, и традиция может рассматриваться как самостоятельная.

Очевидна эклектика и в трактовке сибирдиковской индустрии, которая, как определено, имеет «сходство основных характеристик с североохотской индустрией, <а также> включает и ряд сумнагинских элементов» (Воробей 1996).

Наиболее консолидировано выглядит сумнагинская индустрия, обеспеченная серией ¹⁴C датировок. Она полностью совпадает с пониманием сумнагинской культуры, распространённой в Якутии, на Колыме и Чукотке. Только её возраст, исходя из рассмотренных выше материалов, следует уточнить как 9,5—6,8 (6,2) тыс. л.н. К ней, на наш взгляд, можно отнести и стоянку Путурак, как это первоначально предлагали Н.Н. Диков (1979) и М.А. Кирьяк (1979).

Уолбинская индустрия имеет ряд характеристик (среди которых наличие пластинчатых черешковых наконечников), позволяющих чётко идентифицировать её даже среди других материалов с элементами микропризматике. В настоящее время присутствие этой индустрии отмечается в Якутии (История Якутии 2020), на Колыме (Слободин 2018) (рис. 2: 25—26, 29—40), Камчатке (Пономаренко 2000) и Чукотке, на стоянке Верхнетытыльская VI (Кирьяк 2005) (рис. 4: 12, 14, 17—22).

Северо-восточная мезопластинчатая индустрия включает, по мнению И.Е. Воробья (1996, 2015), кроме стоянок в Северном Приохотье, и стоянку Путурак. Объединяет их, как отмечается, «параллельное мезопластинчатое расщепление... и микропризматическое» при «значительной роли... унифасиальных форм, в том числе острийных» (Воробей 1996).

Но, как мы упоминали выше, «мезопластинки» на стоянке Путурак не являлись конечным продуктом каменной индустрии — изделия из них единичны и маловыразительны. Более очевидна микропризматическая составляющая этой индустрии, которая вместе с остальными её чертами (унифасиальность, концевые скребки, ретушированные микропластинки) указывает на принадлежность к сумнагинской культуре.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полученные в ходе проведённых исследований материалы по мезолиту Колымы (Зеленская, Слободин 2021) свидетельствуют, что заселение её бассейна довольно активно шло в раннем голоцене через её верховья, где на стоянке Бурхала найдены наиболее ранние свидетельства этого процесса, относящиеся к последней трети VIII тыс. до н.э. (10510 кал. л.н.). Детальный анализ этих материалов подтверждает их принадлежность сумнагинской культуре. Продолжительность её существования на Колыме определяется на данный момент комплексом этой культуры со стоянки Запятая возрастом 6800 лет (7635 кал. л.н.), перекрытым неолитическими материалами. Продолжение ареала сумнагинской культуры прослеживается на Западной и Восточной Чукотке на стоянках Тытыль I—IV и далее на Чукотском полуострове на стоянках Путурак, Найван, Челкун IV (Диков 1993; Кирьяк 1993, 2005; Гусев 2002). Постулируемое существование здесь путуракской культуры (Диков 1993) требует более весомых фактов, нежели полученных с одной мастерской сведений.

К позднему этапу мезолита относится уолбинская культура, стоянки и элементы которой выявлены в Якутии (История Якутии 2020), на Колыме (Слободин 2018), Камчатке (Пономаренко 2000) и Чукотке (Кирьяк 2005). Сибирдиковская культура демонстрирует пока не нашедшую объяснения совокупность черт палеолита, мезолита и неолита и ограничена территорией Верхней Колымы.

ЛИТЕРАТУРА

- Археология: Учебник. 2006. М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Воробей, И.Е. 1996. Раннеголоценовые индустрии Крайнего Северо-Востока Азии. *Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока*. Иркутск: Ирк.ГУ: 56—58.
- Воробей, И.Е. 2007. Выход древних охотников к морскому побережью: проблема или фигура речи? *Университет в регионе: наука, образование, культура*. Магадан: СМУ: 148—150.
- Воробей, И.Е. 2011. Трансверсальные резцы позднепалеолитической стоянки Дручак-В (Северное Приохотье). *Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока*. Уссурийск: Изд-во УГПИ: 157—166.
- Воробей, И.Е. 2015. Острия Орочи в северо-восточной мезопластинчатой индустрии раннего голоцена. *Чтения памяти академика К.В. Симакова*. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН: 217—219.
- Гусев, С.В. 2002. Раннеголоценовая стоянка Найван в Беринговом проливе (Чукотский п-ов). *II Диковские чтения*. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН: 356—363.
- Гусев, С.В. 2006. Исследование раннеголоценовых очагов на стоянке Найван Восточная Чукотка. *Неолит и палеометалл Севера Дальнего Востока*. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН: 17—21.
- Гусев, С.В. 2023. Раннеголоценовые приморские стоянки Восточной Чукотки. *Труды ИИАЭ ДВО РАН*. Т. 39: 7—30.
- Диков, Н.Н. 1964. Каменный век Камчатки в Чукотки в свете новейших археологических данных. *История в культуре народов Северо-Востока СССР*. Магадан. Вып. 8: 8—27.
- Диков, Н.Н. 1967. Открытие палеолита на Камчатке и проблема первоначального заселения Америки. *История и культура народов севера Дальнего Востока*. М.: Наука: 16—31.
- Диков, Н.Н. 1979. *Древние культуры Северо-Восточной Азии*. М.: Наука.
- Диков, Н.Н. 1993. *Азия на стыке с Америкой в древности*. СПб.: Наука.
- Диков, Н.Н. 1993а. *Палеолит Камчатки и Чукотки в связи с проблемой первоначально го заселения Америки*. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН.
- Диков, Н.Н. 1996. Археологическое прошлое обитателей Северо-Востока Азии. *Северо-Восток России с древнейших времен до наших дней: новые экскурсии в историю*. Магадан: СВКНИИ: 13—31.
- Зеленская, А.Ю., Слободин, С.Б. 2021. Новые данные по археологии Верхней Колымы. *X Крушановские чтения «Итоги и перспективы развития исторической науки на Дальнем Востоке»*. Владивосток: Дальнаука: 249—257.
- Инешин, Е.М., Тетенькин, А.В. 2010. *Человек и природная среда севера Байкальской Сибири в позднем плейстоцене. Местонахождение Большой Якорь I*. Новосибирск: Наука.
- История Якутии*. 2020. Новосибирск: Наука. Т. I.
- Кашин, В.А. 1983. Стоянка Юбилейный и её место в культуре каменного века Якутии. *Позднеплейстоценовые и раннеголоценовые культурные связи Азии и Америки*. Новосибирск: 93—102.
- Кашин, В.А. 2003. *Палеолит Северо-Восточной Азии: история и итоги исследований. 1940—1980 гг.* Новосибирск: Наука.
- Кирьяк, М.А. 1979. Первые мезолитические и неолитические стоянки Западной Чукотки (оз. Тытыль в верховьях Малого Анюя). *Новые археологические памятники Севера Дальнего Востока*. Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР: 39—52.
- Кирьяк, М.А. 1993. *Археология Западной Чукотки*. М.: Наука.
- Кирьяк, М.А. 2005. *Каменный век Чукотки*. Магадан: Кордис.
- Кистенев, С.П. 1980. Новые археологические памятники в бассейне Колымы. *Новое в археологии Якутии*. Якутск: 74—87.

- Кистенев, С.П. 1990. *Каменный век бассейна Нижней Колымы*: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Якутск.
- Ложкин, А.В., Трумпе, М.А. 1990. Систематизация радиоуглеродных датировок археологических памятников Магаданской области. *Древние памятники Севера Дальнего Востока*. Магадан: СВКНИИ ДВО АН СССР: 176—179.
- Медведев, Г.И. 1980. Предисловие. *Мезолит Верхнего Приангарья*. Иркутск: ИГУ: 3—7.
- Мочанов, Ю.А. 1989. *Мезолит СССР*. М.: Наука.
- Мочанов, Ю.А. 1969. *Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии*. М.: Наука.
- Мочанов, Ю.А. 1977. *Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии*. Новосибирск: Наука.
- Мочанов, Ю.А., Багынанов Н.Г., Кистенев С.П. 1978. Первая археологическая разведка в верховьях Малого Анюя (Центральная Чукотка). *Археология и этнография Восточной Сибири*. Иркутск: ИГУ: 64—65.
- Мочанов, Ю.А., Федосеева, С.А., Кистенев, С.П., Эртюков, В.И. 1980. Работы Приленской археологической экспедиции (ПАЭ) на Чукотке и в Северном Приохотье. *Проблемы археологии и этнографии Сибири и Центральной Азии*. Иркутск: ИГУ: 58—59.
- Мочанов, Ю.А., Федосеева, С.А. 2013. *Очерки дописьменной истории Якутии*. Якутск: АН РС (Якутия), Центр арктической археологии и палеоэкологии человека, Т. 2.
- Окладников, А.П. 1955. *История Якутской АССР*. М.-Л.: АН СССР, Т. 1.
- Орехов, А.А. 2014. Раннеголоценовая стоянка-мастерская Путурак (Чукотский полуостров). *Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры*. № 3: 84—94.
- Орехов, А.А. 2022. Проблемы неолита Верхней Колымы, Чукотки и Камчатки (опыт сравнительного анализа). *Труды ИИАЭ ДВО РАН*. Т. 35: 34—57.
- Питулько, В.В. 1998. *Жоховская стоянка*. СПб.: Дм. Буланин.
- Питулько, В.В. 2004. Голоценовый каменный век Северо-Восточной Азии. *Естественная история Российской Восточной Арктики в плейстоцене и голоцене*. М.: ГЕОС: 99—151.
- Питулько, В.В. 2022. *Расселение и адаптации древнего населения Восточно-Сибирской Арктики в позднем неоплейстоцене — раннем голоцене*: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб.
- Пономаренко, А.К. 2000. *Древняя культура ительменов Камчатки*. Петропавловск-Камчатский.
- Рогачев, А.Н. 1962. Основные итоги и задачи изучения палеолита Русской равнины. *КСИА*. Вып. 92: 3—11.
- Слободин, С.Б. 1996. Раннеголоценовые комплексы Верхней Колымы и некоторые аспекты проблемы «мезолита» Северо-Востока Азии. *Поздний палеолит — ранний неолит Восточной Азии и Северной Америки*. Владивосток: Дальпресс: 204—212.
- Слободин, С.Б. 1999. *Археология Колымы и Континентального Приохотья в позднем плейстоцене и раннем голоцене*. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН.
- Слободин, С.Б. 2010. Исследование археологических стоянок в зоне затопления Среднеканской ГЭС на р. Колыма. *VI Диковские чтения*. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН: 92—98.
- Слободин, С.Б. 2018. Мезолитическая традиция черешковых пластинчатых наконечников Северо-Востока Азии. *Российская археология*. № 3: 58—74.
- Федосеева, С.А. 1968. *Древние культуры Верхнего Вилюя*. М.: Наука.
- Хлобыстин, Л.П. 1998. *Древняя история Таймырского Заполярья*. СПб.: Дм. Буланин.
- Slobodin, S.B., Anderson, P.M., Glushkova, O.Yu., Lozhkin, A.V. 2017. Western Beringia (North-East of Asia). *Human Colonization of the Arctic: The Interaction Between Early Migration and the Paleoenvironment*. London: Academic Press: 239—298.
- Khassanov, B.F., Savinetsky, A.B. 2006. On the Marine Reservoir Effect in the Northern Bering Sea. *Archaeology in Northeast Asia on the Pathway to Bering Strait*. University of Oregon anthropological papers, № 65: 43—58.

REFERENCES

- Arkheologiya: Uchebnik* [Archeology: Textbook]. 2006. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta Publ. (In Russ.)
- Vorobey, I.E. 1996. Rannegolotsenovye industrii Kraynego Severo-Vostoka Azii [The Early Holocene Industries of the Asian Extreme North-East]. *Arkheologiya, paleoekologiya i etnologiya Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Archeology, Paleoecology and Ethnology of Siberia and the Far East]. Irkutsk: IrkGU Publ.: 56—58. (In Russ.)
- Vorobey, I.E. 2007. Vykhod drevnikh okhotnikov k morskomu poberezh'yu: problema ili figura rechi? [Exit of Ancient Hunters to the Sea Coast: a Problem or a Figure of Speech?]. *Universitet v regione: nauka, obrazovanie, kul'tura* [University in the Region: Science, Education, Culture]. Magadan, SMU Publ.: 148—150. (In Russ.)
- Vorobey, I.E. 2011. Transversal'nye reztsy pozdnepaleoliticheskoy stoyanki Druchak-V (Severnoe Priokhot'e) [Transversal Incisors from the Late Paleolithic Site Druchak-V (Northern Okhotsk Region)]. *Aktual'nye problemy arkheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Current Problems of Archaeology of Siberia and the Far East]. Ussuriysk, Izd-vo UGPI Publ.: 157—166. (In Russ.)
- Vorobey, I.E. 2015. Ostriya Orochi v severo-vostochnoy mezoplastinchatoy industrii rannego golocena [Orochi points in the Early Holocene Northeastern Mesoblade Industry]. *Chteniya pamyati akademika K.V. Simakova* [Readings in Memory of Academician K.V. Simakov]. Magadan: SVKNII FEB RAS Publ.: 217—219. (In Russ.)
- Gusev, S.V. 2002. Rannegolotsenovaya stoyanka Nayvan v Beringovom prolyve (Chukotskiy p-ov) [The Early Holocene Site of Naivan in the Bering Strait (Chukchi Peninsula)]. *Dikovskie chteniya* [II Dikov Readings]. Magadan, SVKNII DVO RAN Publ.: 356—363. (In Russ.)
- Gusev, S.V. 2006. Issledovanie rannegolotsenovykh ochagov na stoyanke Nayvan Vostochnaya Chukotka [Study of the Early Holocene Foci at the Naivan Site, Eastern Chukotka]. *Neolit i paleometall Severa Dal'nego Vostoka* [Neolithic and Paleometal of the North of the Far East]. Magadan, SVKNII DVO RAN Publ.: 17—21. (In Russ.)
- Gusev, S.V. 2023. Rannegolotsenovye primorskie stoyanki Vostochnoy Chukotki [Early Holocene Seaside Sites of Eastern Chukotka]. *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN*, vol. 39: 7—30. (In Russ.)
- Dikov, N.N. 1964. Kamennyy vek Kamchatki v Chukotki v svete noveyshikh arkheologicheskikh dannykh [Stone Age of Kamchatka in Chukotka in the Light of the Latest Archaeological Data]. *Istoriya v kul'ture narodov Severo-Vostoka SSSR* [History in the Culture of the Peoples of the North-East of the USSR]. Magadan, vol. 8: 8—27. (In Russ.)
- Dikov, N.N. 1967. Otkrytie paleolita na Kamchatke i problema pervonachal'nogo zaseleniya Ameriki [Discovery of the Paleolithic in Kamchatka and the Problem of the Initial Settlement of America]. *Istoriya i kul'tura narodov severa Dal'nego Vostoka* [History and Culture of the Peoples of the North of the Far East]. Moscow, Nauka Publ.: 16—31. (In Russ.)
- Dikov, N.N. 1979. *Drevnie kul'tury Severo-Vostochnoy Azii* [Ancient Cultures of North-Eastern Asia: Asia at the Junction with America in the Ancient Times]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
- Dikov, N.N. 1993. *Aziya na styke s Amerikoy v drevnosti* [Asia at the Junction with America in the Ancient Times]. Saint Petersburg, Nauka Publ. (In Russ.)
- Dikov, N.N. 1993a. *Paleolit Kamchatki i Chukotki v svyazi s problemoy pervonachal'nogo zaseleniya Ameriki* [Paleolithic of Kamchatka and Chukotka in Connection with the Problem of the Initial Settlement of America]. Magadan, SVKNII DVO RAN Publ. (In Russ.)
- Dikov, N.N. 1996. *Arkheologicheskoe proshloe obitateley Severo-Vostoka Azii* [Archaeological Past of the Inhabitants of the North-East of Asia]. *Severo-Vostok Rossii s drevneyshikh vremen do nashikh dney: novye ekskursy v istoriyu* [Northeast Russia from Ancient Times to the Present Day: New Excursions into History]. Magadan, SVKNII DVO RAN Publ.: 13—31. (In Russ.)

- Zelenskaya, A.Yu., Slobodin, S.B. 2021. Novye dannye po arkheologii Verkhney Kolymy [New Data on the Archaeology of the Upper Kolyma]. *X Krushanovskie chteniya* [X Krushanov Readings]. Vladivostok, Dal'nauka Publ.: 249—257. (In Russ.)
- Ineshin, E.M., Teten'kin, A.V. 2010. *Chelovek i prirodnyaya sreda severa Baykal'skoy Sibiri v pozdnem pleystotsene. Mestonakhozhdenie Bol'shoy Yakor' I* [Man and the Natural Environment of the North of Baikal Siberia in the Late Pleistocene. Location of Big Anchor I]. Novosibirsk, Nauka Publ. (In Russ.)
- Istoriya Yakutii* [History of Yakutia] 2020. Novosibirsk, Nauka Publ., vol. I. (In Russ.)
- Kashin, V.A. 1983. Stoyanka Yubileynyy i ee mesto v kul'ture kamennogo veka Yakutii [The Yubileiny Site and Its Place in the Culture of the Stone Age of Yakutia]. *Pozdnepleystotsenovye i rannegolotsenovye kul'turnye svyazi Azii i Ameriki* [Late Pleistocene and Early Holocene Cultural Connections of Asia and America]. Novosibirsk: 93—102. (In Russ.)
- Kashin, V.A. 2003. *Paleolit Severo-Vostochnoy Azii: istoriya i itogi issledovaniy. 1940—1980 gg.* [The Paleolithic of North-Eastern Asia: History and Research Results. 1940—1980]. Novosibirsk, Nauka Publ. (In Russ.)
- Kir'yak, M.A. 1979. Pervye mezoliticheskie i neoliticheskie stoyanki Zapadnoy Chukotki (oz. Tytyl' v verkhov'yakh Malogo Anyuya) [The First Mesolithic and Neolithic Sites of Western Chukotka (lake Tytyl in the upper reaches of the Maly Anyuy)]. *Novye arkheologicheskie pamyatniki Severa Dal'nego Vostoka* [New Archaeological Sites of the North of the Far East]. Magadan, SVKNII DVNTs AN SSSR Publ.: 39—52. (In Russ.)
- Kir'yak, M.A. 1993. *Arkheologiya Zapadnoy Chukotki* [The Archeology of Western Chukotka]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
- Kir'yak, M.A. 2005. *Kamennyy vek Chukotki* [The Stone Age of Chukotka]. Magadan, Kordis Publ. (In Russ.)
- Kistenev, S.P. 1980. Novye arkheologicheskie pamyatniki v bassejne Kolymy [New Archaeological Sites in the Kolyma Basin]. *Novoe v arkheologii Yakutii* [New in the Archaeology of Yakutia]. Yakutsk: 74—87. (In Russ.)
- Kistenev, S.P. 1990. *Kamennyy vek basseyna Nizhney Kolymy: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Stone Age of the Lower Kolyma Basin: Author's Abstract of the PhD in hist. sci. diss.]. Yakutsk. (In Russ.)
- Lozhkin, A.V., Trumpe, M.A. 1990. Sistematizatsiya radiouglerodnykh datirovok arkheologicheskikh pamyatnikov Magadanskoy oblasti [Systematization of Radiocarbon Dating of Archaeological Sites of the Magadan Region]. *Drevnie pamyatniki Severa Dal'nego Vostoka* [Ancient Sites of the North of the Far East]. Magadan: SVKNII DVO AN USSR Publ.: 176—179. (In Russ.)
- Medvedev, G.I. 1980. Predislovie [Preface]. *Mezolit Verkhnego Priangar'ya* [Mesolithic of the Upper Angara Region]. Irkutsk: IrkGU Publ.: 3—7. (In Russ.)
- Mezolit SSSR* [Mesolithic of USSR], 1989. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
- Mochanov, Yu.A. 1969. *Mnogosloynnaya stoyanka Bel'kachi I i periodizatsiya kamennogo veka Yakutii* [The Multilayer Site of Bel'kachi I and the Periodization of Yakutian Stone Age]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
- Mochanov, Yu.A. 1977. *Drevneyshie etapy zaseleniya chelovekom Severo-Vostochnoy Azii* [The Earliest Stages of Peopling in North-Eastern Asia]. Novosibirsk, Nauka Publ. (In Russ.)
- Mochanov, Yu.A., Bagyanov, N.G., Kistenev, S.P. 1978. Pervaya arkheologicheskaya razvedka v verkhov'yakh Malogo Anyuya (Tsentral'naya Chukotka) [The First Archaeological Exploration in the Upper Reaches of Maly Anyui (Central Chukotka)]. *Arkheologiya i etnografiya Vostochnoy Sibiri* [Archeology and Ethnography of Eastern Siberia]. Irkutsk: IrkGU Publ.: 64—65. (In Russ.)
- Mochanov, Yu.A., Fedoseeva, S.A., Kistenev, S.P., Ertuykov, V.I. 1980. Raboty Prilenskoj arkheologicheskoy ekspeditsii (PAZ) na Chukotke i v Severnom Priokhot'e [Works of the Prilenskaya Archaeological Expedition (PAZ) in Chukotka and Northern Okhotsk]. *Problemy arkheologii i etnografii Sibiri i Tsentral'noy Azii* [Problems of Archeology and Ethnography of Siberia and Central Asia]. Irkutsk: IrkGU Publ.: 58—59. (In Russ.)

- Mochanov, Yu.A. Fedoseeva, S.A. 2013. *Ocherki dopis'mennoy istorii Yakutii* [Essays on the Pre-literate History of Yakutia]. Yakutsk, Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia), Center for Arctic Archeology and Human Paleoeology Publ.: vol. 2. (In Russ.)
- Okladnikov, A.P. 1955. *Istoriya Yakutskoy ASSR* [History of the Yakut ASSR]. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ. vol. 1. (In Russ.)
- Orehov, A.A. 2014. Rannegolotsenovaya stoyanka-masterskaya Puturak (Chukotskiy poluostrov) [Early Holocene Site-workshop Puturan (Chukchi Peninsula)]. *Evrasiya v kaynozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tury*, no. 3: 84—94. (In Russ.)
- Orehov, A.A. 2022. Problemy neolita Verkhney Kolymy, Chukotki i Kamchatki (opyt sravnitel'nogo analiza) [Problems of the Neolithic of Upper Kolyma, Chukotka and Kamchatka (Experience of Comparative Analysis)]. *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN*, vol. 35: 34—57. (In Russ.)
- Pitul'ko, V.V. 1998. *Zhokhovskaya stoyanka* [Zhokhov Site]. Saint Petersburg, Dm. Bulanin Publ. (In Russ.)
- Pitul'ko, V.V. 2004. Golotsenovyy kamennyy vek Severo-Vostochnoy Azii [The Holocene Stone Age of the North-Eastern Asia]. *Estestvennaya istoriya Rossiyskoy Vostochnoy Arktiki v pleystotsene i golotsene* [Natural History of the Russian Eastern Arctic in the Pleistocene and Holocene]. Moscow, GEOS Publ.: 99—151. (In Russ.)
- Pitul'ko, V.V. 2022. *Rasselenie i adaptatsii drevnego naseleniya Vostochno-Sibirskoy Arktiki v pozdnem neopleystotsene — rannem golotsene*: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk [Settlement and Adaptation of the Ancient Population of the East Siberian Arctic in the Late Neopleistocene — Early Holocene: Author's Abstract of the PhD in hist. sci. diss.]. Saint Petersburg. (In Russ.)
- Ponomarenko, A.K. 2000. *Drevnyaya kul'tura itel'menov Kamchatki* [Ancient Culture of the Itelmens of Kamchatka]. Petropavlovsk-Kamchatskiy. (In Russ.)
- Rogachev, A.N. 1962. Osnovnye itogi i zadachi izucheniya paleolita Russkoy ravniny [The Main Results and Tasks of Studying the Paleolithic of the Russian Plain]. *KSIA*, no. 92: 3—11. (In Russ.)
- Slobodin, S.B. 1996. Rannegolotsenovye komplekсы Verkhney Kolymy i nekotorye aspekty problemy «mezolita» Sevepo-Vostoka Azii [The Early Holocene Complexes of the Upper Kolyma and Some Aspects of the “Mesolithic” Issue in North Eastern Asia]. *Pozdnyy paleolit — ranniy neolit Vostochnoy Azii i Sevepnoy Ameriki* [Late Paleolithic — Early Neolithic of East Asia and North America]. Vladivostok, Dal'press Publ.: 204—212. (In Russ.)
- Slobodin, S.B. 1999. *Arkheologiya Kolymy i Kontinental'nogo Ppriokhot'ya v pozdnem pleystotsene i rannem golotsene* [The Archaeology of the Kolyma and the Continental Priokhot'ya during the Late Pleistocene and Early Holocene]. Magadan, SVKNII DVO RAN Publ. (In Russ.)
- Slobodin, S.B. 2010. *Issledovanie arkheologicheskikh stoyanok v zone zatopleniya Srednekan-skoy GES na r. Kolyma* [Study of Archaeological Sites in the Flood Zone of the Srednekan-skaya Hydroelectric PS on the Kolyma River]. *VI Dikovskie chteniya* [VI Dikov's Readings]. Magadan, CVKNII DVO RAN Publ.: 92—98. (In Russ.)
- Slobodin, S.B. 2018. Mezoliticheskaya traditsiya chereshkovykh plastinchatykh nakonechnikov Severo-Vostoka Azii [Mesolithic Tradition of Petiolate Blade Points in Northeast Asia]. *Rossiyskaya arkheologiya*, no. 3: 58—74. (In Russ.)
- Fedoseeva, S.A. 1968. *Drevnie kul'tury Verkhnego Vilyuya* [Ancient Cultures of Upper Vilyui]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
- Khlobystin, L.P. 1998. *Drevnyaya istoriya Taymyrskogo Zapolyar'ya* [The Ancient History of Taimyr Arctic]. Saint Petersburg, Dm. Bulanin Publ. (In Russ.)
- Slobodin, S.B., Anderson, P.M., Glushkova, O.Yu., Lozhkin, A.V. 2017. Western Beringia (North-East of Asia). *Human Colonization of the Arctic: The Interaction Between Early Migration and the Paleoenvironment*. London, Academic Press Publ.: 239—298. (In Eng.)
- Khassanov, B.F., Savinetsky, A.B. 2006. On the Marine Reservoir Effect in the Northern Bering Sea. *Archaeology in Northeast Asia on the Pathway to Bering Strait*. University of Oregon Oregon Anthropological Papers, no. 65: 43—58. (In Eng.)